

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

*Материалы XLIII всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(7–9 ноября 2023 г.)*

*Издание осуществлено при поддержке
Проекта «Европейское наследие»*

Санкт-Петербург
2024

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П78

Редакционная коллегия:
д. и. н., проф. *А. Ю. Прокопьев* (отв. редактор),
к. и. н., доц. *М. И. Дмитриева*,
к. и. н., доц. *Е. В. Кулешова*,
к. и. н., доц. *Д. Н. Старостин*,
к. и. н., доц. *Е. А. Терентьева*,
к. и. н., ст. преп. *Н. А. Бережная*,
д. и. н., доц. *Е. А. Мехамадиев* (отв. секретарь)

Рецензенты:
д. и. н. *С.Е. Федоров*
(Санкт Петербургский государственный университет)
к. и. н. *З.А. Лурье*
(Теологический институт, Колтуши).

П78 **Проблемы истории и культуры средневекового общества.**
Материалы XLIII всероссийской научной конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (7–9 ноября
2023 г.). : Сборник / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Издательство
Скифия-принт, 2024. — 716 с.
ISBN 978-5-00197-118-4

УДК 94
ББК ТЗ(0)4я431(2Р)
П85

ISBN 978-5-00197-118-4

© Авторы статей, 2024
© Скифия-принт (макет), 2024
© Проект «Европейское наследие», 2024

Оглавление

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

Зибаев А. В.

Влияние Книги Бытия на позднеантичную географическую
мысль: размышления Филосторгия о расположении Рая 10

Владимирова Д. В.

Декорация центральной апсиды Новой церкви Токалы
и практика помещения «Распятия» в алтарной части
византийских памятников
VIII–XII вв. 24

Розмысл Е. В.

Завоевание Сицилии Георгием Маниаком
(1038–1042 гг.) 34

Карашайски К. М.

Образ иноземца-наемника в сочинении
Михаила Пселла 45

Кёся А. С.

Роль символической коммуникации в конструировании образа
Другого
в «Алексиаде» Анны Комниной 55

Фролов Б. М.

О некоторых параллелях в византийской литературе XII в. 66

Зубова А. Н.

Образ свнуха в византийском любовном романе XIII–XIV вв. 72

Зотов В. Д.

Топонимика Константинополя в древнерусской паломнической
литературе. К вопросу о византийских проводниках 79

Галиев А. Р.

Иоанн Кантакузин в восприятии византийских антиисихастских
писателей XIV–XV вв. 88

Романова А. А.

Взаимоотношения между наемниками и местным населением
в Негропонте во время осады 1470 г. 97

ОБРАЗ И ТЕКСТ

- Бабина А. А.*
Образ святого-проповедника в галльских житиях IV–V вв. 104
- Малеев Д. Ю.*
Образ короля Дагоберта в «Хронике» Фредегара 112
- Вадов Н. В.*
Особенности отражения образа власти в период правления
Филиппа IV Красивого и Людовика X Сварливого 120
- Мамедова М. Н.*
Величие в образе монарха в трактате Дж. Понтано «О Государе» . . 126
- Жадько А. А.*
Генрих IV в хрониках Холиншеда и драме Шекспира 132
- Салахова А. И.*
Генрих IV в «Мемуарах» кардинала Ришелье 142
- Грищенко К. А.*
Король Франции Людовик XIII в «Мемуарах» Жана Франсуа
Поля де Гонди, кардинала де Реца 149

РОД - СЕМЬЯ - ДУХОВНЫЙ МИР

- Рудакова М. М.*
Взгляд христианских авторов на проблему взаимоотношений
ортодоксальной церкви и иудейской общины в первой половине
V в. 160
- Живлова Н. Ю.*
История ирландского богослужения в Ratio de Cursus (VIII в.) . . . 170
- Сироткина А. А.*
Женское и женоподобное: переворачивание гендерных норм
в англо-нормандском историописании XII в. 178
- Сокурченко В. П.*
Гомилетический bestiарий в проповедях
св. Антония Падуанского 189
- Суслова А. А.*
Женское религиозное служение
(по «Золотой легенде» Иакова Ворагинского) 200
- Лачугина Н. С.*
Женщины в рыцарских биографиях конца XIV в. 210
- Фатхуллин В. Ф.*
Сакральные персонажи в сфрагистике английских городов XIII–
XVI вв. 217

- Удовик А. В.*
 Вдовья доля первой королевы династии Тюдор: источники формирования и состав (по материалам актов парламента) 225
- Астахова М. Н.*
 Образ семьи в автобиографии и дневниках леди Анны Клиффорд . 232

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО.
 ПРАВИТЕЛИ И ИНСТИТУТЫ**

- Вечерко Е. Д.*
 Обряды королевской инициации по раннеирландским сагам 240
- Волков П. В.*
 Дилемма Григория Турского: светская и церковная власть 246
- Артемьев Е. Е.*
 Взаимоотношения Кордовского эмирата и викингов в раннем Средневековье 254
- Макаров И. Б.*
 Трудное начало Сербии 263
- Лазарев С. С.*
 Церемонии переноса мощей Эдуарда Исповедника. 273
- Лозовой Я. В.*
 Конструирование отношений правителя и верных людей в «Хронике о деяниях графов анжуйских». 280
- Ярина Д. А.*
 Основание Кальмарской унии по материалам Шведской хроники О. Петри 290
- Павлов К. В.*
 Флоренция и Италия в поисках «баланса сил»: от войны Флоренции и Милана к Лодийскому миру 298
- Джурко К. А.*
 Политические взгляды Леона Баттисты Альберти по его сатире «Мом, или О государе» 307
- Коробова Ю. С.*
 Место «Патриархии» сэра Роберта Филмера в монархическом дискурсе раннего Нового времени 315
- Дронов Б. В.*
 Политические идеи Якова I Стюарта в его речах перед «Благословенным» Парламентом 1604–1610 гг. 325
- Пензев П. А.*
 Борьба за идентичность — Роберт Монро на службе шведского короля. 335

- Ерунов М. К.*
 «Лучшая из приблизительно современных работ»? Журнал
 «Шведский Обзоратель» в контексте изучения битвы при Лютцене 344
- Гафуров С. О.*
 На службе династий: политические обстоятельства переиздания
 «Анналов Фердинанда» Ф. К. Кевенхюллера 354

ИСТОРИК И ИСТОЧНИК

- Исмагилова Ю. Д.*
 Позднеантичные западные консулрии: формирование традиции
 («Consularia Constantinopolitana», «Fasti Vindobonenses») 366
- Ильгова Д. А.*
 Визуальный аспект в древнеирландской лорике «Rop tu mo baile» .377
- Романовская Е. В.*
 «Liber divinorum operum» Хильдегарды Бингенской: проблема
 соавторства 386
- Зубов Д. Д.*
 К вопросу об авторстве «Песни об альбигойском крестовом
 походе» 401
- Шадрин И. И.*
 «Жизнь Людовика Святого» — между житием и биографией407
- Мальчихина В. О.*
 Понятие свободы в трактате Ж.-Б. Боссюэ «Политика, взятая
 из Священного Писания» 415
- Алестархова А. Е.*
 Дипломатическая переписка Ивана IV Грозного и Елизаветы I
 Тюдор: экономический союз или военно-политическое
 взаимодействие. 421
- Латишина А. Ф.*
 «Письмо Роберта Лэнгэма» как источник по истории визита
 королевы Елизаветы I Тюдор в замок Кенилворт 428
- Смирнова Н. А.*
 «Британия» Уильяма Кэмдена как первый учебник
 по английской истории 438
- Ситнер С. В.*
 Модусы обращения шотландцев и англичан к своему прошлому
 в юнионистских трактатах 1603–1607 гг. 448
- Соковнина С. А.*
 «Testamentu ostatniey woli» Речи Посполитой на рубеже
 Средневековья и Нового времени как источник по истории
 ментальностей 458

<i>Михальчук А. А.</i>	
«Утерянный картулярий» аббатства Шаалис найден?	465
<i>Кравченко К. И.</i>	
Кальвинистская Реформация в Бремене: проблемы и перспективы исследований	477

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО.
СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ**

<i>Дедов В. Д.</i>	
Rorulus в интерпретациях североитальянских хронистов XI– XII вв.: религиозный и социально-правовой аспекты.	486
<i>Федоров А. В.</i>	
Церковная реформа XI–XII вв. и проблема формирования рыцарского сословия во Фландрии (на примере графства Гин) . . .	493
<i>Пилюгина П. И.</i>	
Образы валлийского права в средневековых английских источниках	500
<i>Диль И. В.</i>	
Соотношение власти и общества в рамках Столетней войны	509
<i>Лотменцев А. М.</i>	
Вопросы судопроизводства в средневековом славонском Градце (конец XIV — начало XVI вв.)	517
<i>Осипов К. С.</i>	
«Рыцарский турнир» или «Придворный турнир»? К вопросу о «формировании дворянства» в позднесредневековой Германии . .	524
<i>Антропов Д. С.</i>	
Патрицианские связи: казус монастыря св. Клары в реалиях нюрнбергской Реформации 1517–1525 гг.	535
<i>Шешуков Е. А.</i>	
Право и суд в шванках XVI в.	545
<i>Лебедева И. Е.</i>	
Этноконфессиональная принадлежность жителей средневекового города на материале актов венецианца Пьетро Пеллакана (Тана, 1446–1452)	554
<i>Савин Л. В.</i>	
Городское сообщество и его отношение к земле в Тоскане в период XIV–XV вв.: к постановке проблемы	562
<i>Блощица А. А.</i>	
О социальной утопии Джеральда Уинстенли	570
<i>Еришов А. Р.</i>	
Парижский парламент и Фронда в 1648–1649 гг.: от пика влияния до утраты инициативы.	581

СИМВОЛЫ, РИТУАЛЫ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Диденко М. Е.

Влияние искусства эпохи викингов на зооморфный орнамент
карельских овально-выпуклых фибул XI–XIII вв.592

Степаненко Э. С.

Акваманилы в средневековой Западной Европе: наследие
античности, влияние исламских образцов, византийские аналоги. .606

Макеева О. Д.

Табернакль, киворий и реликварий в пространстве
средневекового храма XI–XV вв. К вопросу о терминологии623

Новикова М. А.

Иконографические и стилистические особенности водолея
в виде сцены борьбы дракона и человека из коллекции
Государственного Эрмитажа636

Овод А. В.

Иконография негативных персонажей в итальянском искусстве
раннего Возрождения647

Ставцова У. Д.

Анализ иконографии пояса «Спор о вере»
XIV — первой половины XV в. из Восточного отдела Эрмитажа . .658

Плясунова П. С.

Флорария в живописи Яна ван Эйка673

Врионакис Е. Х.

Две картины на сюжеты из жития святого Роха неизвестного
швабского художника из собрания Дальневосточного
художественного музея: особенности иконографии.681

Пиотровская А. А.

Жанровые особенности и астрологический
аспект в цикле «Двенадцать месяцев» Леондро Бассано
из собрания Тульского областного художественного музея693

Лукина Э. А.

Визуальные интерпретации Книги Товита в искусстве
Европы XVI–XVII вв.708

УДК 94 (450).06

Павлов К. В.

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории, аспирант
E-mail: st055536@student.spbu.ru; Kir2014Sch603@gmail.com

Флоренция и Италия в поисках «баланса сил»: от войны Флоренции и Милана к Лодийскому миру

Аннотация. В статье рассмотрена проблема разрешения военно-дипломатических противоречий между Флоренцией и другими крупнейшими городами-государствами Италии конца XIV — середины XV в. на пути построения ими политической модели «баланса сил». Предметное внимание уделено эволюции отношений Флоренции и Милана от антагонизма к диалогу. В качестве вывода определено влияние Флоренции на достижение общепан-итальянского компромисса, нашедшего отражение в Лодийском мире.

Ключевые слова: флорентийско-миланские отношения, «баланс сил», Лодийский мир, Итальянская лига

Pavlov K. V.

St. Petersburg State University
Institute of History, Postgraduate student
E-mail: st055536@student.spbu.ru; Kir2014Sch603@gmail.com

Florence and Italy in search of a «balance of power»: from the Florence-Milan War to the Lodi Peace Treaty

Abstract. The article considers the problem of resolving military and diplomatic contradictions between Florence and other major Italian city-states of the late XIV — mid XV centuries on the way to building a political model of the “balance of power”. Substantive attention is paid to the evolution of relations between Florence and Milan from antagonism to dialogue. As a conclusion, the influence of Florence on the achievement of a pan-Italian compromise, reflected in the Lodi Peace Treaty, is determined.

Keywords: Florentine-Milanese relations, “balance of power”, Treaty of Lodi, Italic League

История военно-дипломатических отношений городов-государств Италии конца XIV — середины XV в. изучена достаточно подробно. Ключевое внимание при рассмотрении внутриитальянской политической системы этого периода большинство исследователей, как правило, уделяли

проблемам диалога пяти крупнейших государств Апеннин: Флоренции, Милана, Венеции, Неаполя и папства [1; 2; 3; 4]. Эти пять государств в середине XV в. оформили свои отношения в военно-дипломатический союз — Итальянскую лигу (*Lega Italica*), утвердившись в роли так называемой «большой пятерки» Апеннин [5, р. 9]. Одной из наиболее дискуссионных проблем для анализа диалога городов-государств «большой пятерки» Италии является проблема формирования ими военно-дипломатических практик, основанных на представлениях об имперском пути развития. Эти практики связывались с попытками каждого члена «пятерки» осмыслить свой статус правопреемника Римской империи [6, р. 89–140]. При этом важно отметить идеологическую взаимосвязь политических практик подобного рода с культурой гуманизма, распространившейся в Италии в XIV–XV вв. и воспевавшей античную государственность (прежде всего именно римскую) как ориентир для итальянских городов [6, р. 376–388].

Как отмечает исследователь политической культуры ренессансной Италии М. Джурджевич, античный Рим в XIV–XV вв. рассматривался в равной степени как идеальный политический ориентир в дипломатическом, административном и спиритуально-духовном измерениях [2, р. 300–301]. Кроме того, в развитии военно-дипломатических практик государств «пятерки» нашел проявление архаический «пласт» противоречий, существовавший во внутриитальянской политической системе ввиду дихотомии моделей устройства городов-государств Апеннин, со времен Высокого Средневековья делившихся на республиканские, монархические и (или) «смешанные» субмонархические режимы [6, р. 31–71]. Обратим внимание, что специфика этих режимов отличалась не только друг от друга (между республиками, монархиями и «смешанными» государствами), но и между собой внутри одного типа режимов. Так, флорентийский республиканизм как идея и практика значительно отличался от венецианского, как и неаполитанская монархия — от папской [2, р. 300].

Сочетание обстоятельств типа «гуманистическая идеология — противостояние политической практике — антиподу» в полной мере присутствовало при рождении и развитии «имперского мифа» в военно-дипломатической стратегии такого итальянского города-государства — члена «большой пятерки» XV в., как Флоренция.

Представления об исключительности положения Флоренции в итальянской политической системе городов-государств позднего Средневековья как продукта становления в тосканской республике центра гуманистических идей, как указывает американский исследователь К. Челли, восходили еще ко временам первого гуманиста — Франческо Петрарки.

Вместе с тем с Флоренцией была связана и более ранняя традиция политической культуры гибеллинизма, опиравшаяся на авторитет Данте и провозглашавшая идею о доблестном и рациональном имперском правлении как «панацее» для Италии [7, с. 7–9]. Принято считать, что Данте отождествлял свои идеи о подобном правителе — своего рода «реставраторе» римского имперского проекта с германским императорским домом Люксембургов и персоналией Генриха VII [7, с. 9]. Однако Флоренция де-юре была политически автономна от имперских домов Германии — как от дома Люксембургов, так и от утвердившегося на смену им дома Габсбургов [8, р. 17]. Это обстоятельство сильно отличало тосканское государство от других крупных городов-государств Италии: Милана, Венеции и Неаполя. Так, режимы Висконти и Сфорца в Миланском герцогстве институционально зависели от Империи Габсбургов [3, р. 306], а Венеция оспаривала с Габсбургами полноту своего влияния над территориями Северной Италии и, следовательно, границы своего режима [4, р. 66–67]. Неаполь же, по справедливому замечанию историка международных отношений Г. Мэттингли, бывший в конце XIV — первой половине XV в. «...королевством столь же анархическим, как, к примеру, Шотландия или Венгрия» [4, р. 67], переживал череду смен «внешних» приходов к правлению династий [2, р. 303].

Флорентийская республика в XV в. была одним из немногих полноценно самоуправляемых городов-государств Италии, что и давало ей основания рассчитывать на реализацию проекта построения «мини-империи» на Апеннинах наподобие Рима. Первым же «актом» реализации данного проекта для тосканского государства должно было стать овладение рубежными территориями. Подобная экспансивность намерений Флоренции не могла не спровоцировать ряд общих противоречий в системе внутритальянских межгосударственных отношений. Эти противоречия, основанные как на разных представлениях о модели государственного устройства (республиканских или авторитарных), так и на взаимных спорах ряда государств о возможных границах территориальных экспансий, «вскрылись» с началом политической борьбы тосканской республики с Миланским герцогством на рубеже XIV–XV вв. [9, р. 68–73]. Отметим, что, по замечанию флорентийского дипломата и историописца Никколо Макиавелли, приведенному им в знаменитой «Истории Флоренции», война флорентинцев с Миланом, длившаяся около двенадцати лет и завершившаяся в 1402 г., велась тосканским государством с переменным успехом [10, с. 131–136]. Так, в начале войны, связанном с успехами Милана, герцог ломбардского государства Джан Галеаццо Висконти даже сумел овладеть Пизой, пред-

ставлявшейся в военно-дипломатических интересах Флоренции объектом исключительной важности [10, с. 131]. Более того, собственно военный успех Милана дополнился внутривнутриполитической борьбой флорентийских «фракций», в результате которой часть видных семейств тосканского города, попавших под «рестрикции» гонфалоньера Мазо дельи Альбицци и оказавшихся в изгнании, стали готовить мятеж с целью его свержения. В свою очередь, внутри этого мятежного движения, среди наиболее радикальных его представителей (во главе с семейством Риччи), впоследствии назрел другой, еще более опасный заговор — в поддержку переворота с намерением привести к правлению во Флоренции миланского герцога [10, с. 134–136]. Однако оба заговора были подавлены, и, согласно упоминанию Макиавелли, по воле случая, с устранением их последствий для Флоренции совпала смерть Джан Галеаццо Висконти [10, с. 136]. Таким образом, тосканское государство вышло из войны с Миланом без потерь и получило возможность рассчитывать на приобретения.

Вскоре после этого в 1405–1406 гг. Флорентийская республика, традиционно расширявшаяся за счет присовокупления к своему составу территорий контадо, осуществила первую крупную акцию экстерриториального роста, присоединив в результате успешной двухлетней войны к своему составу Пизу — ранее могущественную итальянскую морскую республику [11, р. 57]. Как отмечает шведский исследователь истории Флорентийской республики и фигуры Никколо Макиавелли М. Хорнквист, приобретение пизанского владения стало кульминационным актом внешнеполитического развития Флоренции: «Покорение Пизы стало, пожалуй, величайшим военным триумфом в истории Флорентийской республики. Благодаря этой экспансии на запад Флоренция получила выход к морю и стала одной из ведущих морских держав на полуострове» [11, р. 57]. Вместе с тем Хорнквист полагает, что пизанский триумф радикализировал развитие мифа о построении Флоренцией республики «имперского типа», долженствовавшей, подобно Риму, самой в будущем сформировать великую империю. Важно уточнить, что завоевание Пизы в 1406 г. поспособствовало развитию «римской» мифологемы еще и в дипломатическом измерении политической практики Флоренции, в более ранней структуре внутривнутриитальянской политической системы, считавшейся среди городов-государств Средней Италии равнозначной «международной единицей». К примеру, в эпоху гвельфско-гибеллинского противостояния флорентинцы чаще всего воспринимались в итальянских дипломатических союзах «на равных» вместе с Пизой или с другим своим соседом — Ареццо [12, р. 169]. А около 1260 г., как указывает итальянский историк И. Монта-

нелли, известен даже случай неудовлетворенной просьбы флорентийских гибеллинов о союзе, обращенной к пизанцам и аретинцам [12, р. 169].

Вместе с тем пизанский триумф начала XV в. не стал заключительным актом внешнего расширения флорентийской территории: овладев Пизой, Флорентийская республика получила достаточный ресурс для осуществления политики дальнейшего экстерриториального развития. Так, в 1411 г. республика присоединила к своему составу земли Кортонь, а в 1421 г. — территорию Ливорно [11, р. 57]. Идея «империи» Флоренции в Средней Италии, как казалось, тем самым приобретала все более четкие реальные очертания. Неслучайно к периоду флорентийских завоеваний первой трети XV в., как указывает американский исследователь из Принстонского университета М. Халлианг, относится первый исторический панегирик «имперскому» проекту Флоренции — «История Флорентийского народа» Леонардо Бруни, где флорентийское приобретение владения над Пизой преподносится как аналогия успеха Рима в войнах с Карфагеном [13, р. 15]. Однако «роль» Карфагена, в равной мере с Пизой, в восприятии самопровозглашенного «Рима» — Флоренции разделил и Милан. В определенной степени, как указывает британский исследователь истории международных отношений М. Райт, именно противостояние Флоренции и Милана рубежа XIV–XV вв. обозначило те структурные проблемы итальянской политической системы, которые впоследствии привели Италию к необходимости установления «баланса сил» как меры поддержания стабильности на Апеннинах [5, р. 9–10]. Однако масштабу вывода владений Флоренции за пределы рубежей ее контадо неизбежно сопутствовало столкновение с интересами и других крупных итальянских городов-государств.

Как отмечает Макиавелли в той же «Истории Флоренции», Кортоня была отвоевана тосканской республикой у нового принципиального противника, появившегося у Флоренции после завершения затяжной войны с Миланом, — Неаполитанского королевства [10, с. 136]. При этом война с Неаполем, как и с Миланом несколько ранее, не стала для Флоренции быстрой и легкой: король Неаполя Владислав после неудачи с Кортоньей осуществил ряд успешных быстрых атак и занял Рим, Романью и Сиену — вторую после Флоренции крупную республику в Средней Италии, последнее приобретение Владислава ставило под угрозу не только новый прирост Флорентийской республики, но и ее независимость [10, с. 136–137].

Вместе с тем, как и в предшествовавшей войне с Миланом, Флоренции крайне благоприятствовали обстоятельства: так же, как некогда герцог Милана Джан Галеаццо Сфорца, Владислав Неаполитанский умер в 1414 г.

в самый разгар успеха своих военных действий против тосканской республики [10, с. 137]. Кроме того, вмешательство неопределенности как залог успеха в войне с Неаполем заставило Флоренцию задуматься о необходимости заручиться союзом с одной из крупных сил в политической системе Апеннин с тем, чтобы в дальнейшем иметь ресурс противостоять возможному более крупному конфликту интересов в Италии. Как отмечает флорентийский гуманист Филиппо ди Чино Ринуччини в своих «Исторических заметках», следствием этого стало заключение 27 января 1425 г. тосканской республикой союза с Венецией — «*Lega de' Viniziani*» — против предполагавшейся двумя республиканскими силами аналогичной комбинации единовластных режимов — миланского и неаполитанского [14, р. 420]. Ринуччини, однако, изначально обозначает попытку венецианцев уклониться от практической реализации союза с Флоренцией против возобновившего войну с ней Милана: если тосканская республика делегировала на переговоры с Венецией Лоренцо д'Антонио Ридольфи как посла, то венецианцы в ответ выдвинули от себя «посредника из Брешии» [14, р. 421]. Соответственно, Венеция союзные обязательства по отношению к Флоренции и не исполнила: в 1429 г. при подавлении восстания в Вольтерре, как и в 1430 г. при попытке взятия Лукки, Флоренция противостояла Милану вновь самостоятельно [14, р. 422–423]. Урегулированию военных проблем республики, как указывает другой историописец Флорентийской республики, Франческо Гвиччардини, не способствовали противоречия между знатными семействами города в борьбе за власть, не утихавшие еще с произошедшего в 1378 г. достопамятного восстания чомпи и обострившиеся в период политики остракизма Мазо дельи Альбицци. Так, семейства Строцци, Альбицци, Альберти и Медичи долгое время попеременно смещали перевес во внутренних делах Флоренции в свою сторону [15, р. 61–63]. Эта же несогласованность флорентийского нобилитета в управлении городом привела и к другому противоречию, парадоксальность которого в отношении политического развития тосканской республики выделяет американский историк Д. Херлихи: фактически считавшиеся владением Флорентийской республики территории Пистойи, Вольтерры и Ареццо де-юре не принадлежали к землям города Флоренции, что рождало в нем проблему т. н. «земельного голода», во многом и вынуждавшую республику к внешней экспансии на рубежи владений своих противников [16, р. 91]. Именно в таких условиях, как полагает Гвиччардини, ключевым фактором для сохранения Флоренцией своей самостоятельной государственности и новых владений становилась стабилизация политического режима в городе [15, р. 64]. В этом отношении представители дома Медичи

— Джованни ди Биччи и «наследовавший» ему в делах семьи Козимо ди Джованни — в последовательности своих действий явились для республики настоящей «панацеей», способствовавшей в дальнейшем урегулированию и внешнеполитических проблем не только для республики, но и для всей Италии [15, р. 64]. Сумев урегулировать раздоры флорентийского нобилитета по линии, обозначенной Макиавелли в «Истории Флоренции» как противостояние «гвельфской партии и государства» [10, с. 163], Козимо Медичи в 1434 г. остановил и военный конфликт Флоренции с Миланом: тем самым создались условия для попытки сформировать в Италии первое подобие «баланса сил». Однако новым элементом дестабилизации политической ситуации на Апеннинах стала атака наемников на Рим вопреки заключенному между Миланом и Флоренцией и Венецией перемирию [10, с. 178]: поддержавшее «гвельфскую» Флоренцию в конфликте с «гибеллином» герцогом Филиппо Мария Висконти папство также вовлекалось в орбиту итальянских военных конфликтов. Кроме того, как отмечает неаполитанский гуманист XVI в. Анджеоло ди Костанцо в своей «Истории неаполитанского королевства», параллельно с давлением на папство на рубеже первой и второй трети XV в. заметно обострилась ситуация в Неаполе [17, р. 312–313]. Конфликт франко-испанских интересов в королевстве привел к войне за престол между Рене Анжуйским и Альфонсом Арагонским. В конечном итоге это противостояние выиграл Альфонс, и над Неаполем утвердилась власть арагонского дома [17, р. 312–313]. Ди Костанцо также указывает на основную, с его точки зрения, причину конфликта в Неаполе — отказ папы Евгения IV дать инвеституру на престол Рене Анжуйскому в связи с поддержкой его притязаний со стороны миланского «гибеллинского» графа Франческо Сфорца [17, р. 300–301]. Однако неаполитанский автор не упоминает другое важное обстоятельство конфликта: поддержку Рене Анжуйского со стороны Флоренции, которая, по меткому замечанию Макиавелли, «с давних времен была в дружбе с французским королевским домом» [10, с. 196].

К концу первой — началу второй трети XV в., таким образом, уже оформилась пятичастная структура будущей модели выстраивания внутриаппалачской политической системы сдержек и противовесов: республиканские Флоренция и Венеция, с одной стороны, абсолютистские Милан и Неаполь — с другой, и папство как формально сторонняя сила, фактически опиравшаяся в своей позиции по тем или иным конфликтам на полуострове на восходивший к XIII в. гвельфско-гибеллинский вопрос. Однако предполагавшаяся ранее модель союзов в рамках данного «пятиугольника» была неожиданно пересмотрена: Флоренция и Милан

оказались в союзе против Неаполя и папства, вследствие чего изменила свою позицию и Венеция, устремившись отвоевать порубежные с Миланом владения на Севере Италии. В ситуации затягивавшейся неопределенности внутриапальских конфликтов именно Флоренция, как отмечает Гвиччардини, в середине XV в. выступила ключевым посредником для их завершения [15, р. 69]. В апреле 1454 г. было заключено соглашение в Лоди, послужившее фактором установления в Италии «всеобщего союза» (*lega universale*) между Флорентийской республикой, Неаполитанским королевством, герцогством Милан, Венецианской республикой и папством (также известного как Итальянская лига (*Legata Italica*)) [15, р. 69]. С именем Козимо Медичи принято связывать инициацию заключения именно Лодийского мира. При оценке достоверности данного факта следует иметь в виду уточнение Макиавелли о том, что при урегулировании военного конфликта Милана, Венеции, Неаполя и Флоренции в 1454 г. 9 апреля был непосредственно подписан Лодийский мир, в котором оговаривались условия мира между основными сторонами конфликта — Миланом и Венецией. Тогда как спустя несколько дней, 14 апреля, управляемая Козимо Медичи Флоренция от своего имени предложила общий мир на 25-летний срок [10, с. 253]. Таким образом, Флоренция в событиях вокруг Лодийского мира выступила скорее посредником сбалансирования и обновления всей структуры дипломатических отношений в Италии. За сторонами соглашения о создании лиги закреплялся территориальный «status quo», фиксировавшийся моментом завершения порубежных войн предыдущей фазы. Флоренция тем самым получала возможность заняться обустройством своих тосканских владений за пределами контадо и выстроить новую «империю» в Средней Италии.

Подводя итоги исследования, можно заключить: политика Флоренции конца XIV — середины XV в. была направлена как на пресечение борьбы «фракций» внутри города (логическим завершением чего стало утверждение у власти Козимо Медичи), так и на укрепление авторитета тосканского государства в системе международных отношений на Апеннингах (достижением какового явились приобретения Пизы, Кортонь и Ливорно). Территориальные приращения Флоренции этого периода, в свою очередь, осуществлялись в военно-дипломатическом противодействии ряду других крупнейших городов-государств Италии (прежде всего Милану и Неаполю). Вместе с тем, несмотря на развитие на основании подобных достижений мифа о Флоренции — правопреемнице Рима, республика (во многом благодаря мудрости и дальновидности Козимо) сумела урегулировать противоречия в дипломатической структуре итальянской политической

системы первой половины XV в., заложив основу для относительно «безболезненного» ее развития на протяжении почти 40 лет. Практика битв «имперских» амбиций крупнейших городов-государств Италии в погоне за идеей «нового Рима» тем самым на некоторое время была прекращена.

Список источников и литературы

1. Beyond Florence. The Contours of Medieval and Early Modern Italy / ed. by P. Findlen, M. M. Fontaine, D. J. Osheim. Stanford: Stanford University Press, 2003. 345 p.
2. *Jurdjevic M.* Italian Renaissance. Political Cultures // The Cambridge Companion to the Italian Renaissance / ed. by M. Wyatt. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 298–319.
3. *Lazzarini I.* Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520. Oxford: Oxford University Press, 2015. 337 p.
4. *Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. London: Penguin Books, 1964. 284 p.
5. Theory and Practice of the Balance of Power, 1486–1914. Selected European Writings / ed. by M. Wright. London: J. M. Dent & Sons Ltd, 1975. 192 p.
6. *Lee A.* Humanism and Empire. The Imperial Ideal in Fourteenth-Century Italy. Oxford: Oxford University Press, 2018. 438 p.
7. *Доброхотов А. Л.* О «Монархии» Данте // Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В. П. Зубова; коммент. И. Н. Голенищева-Кутузова. М.: КАНОН-пресс-И; Кучково поле, 1999. С. 5–18.
8. *Lazzarini I.* Records, Politics and Diplomacy: Secretaries and Chanceries in Renaissance Italy (1350 — c. 1520) // Secretaries and Statecraft in the Early Modern World / ed. by P. M. Dover. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 16–36.
9. *Black J.* Absolutism in Renaissance Milan. Plentitude of Power under the Visconti and the Sforza: 1329–1535. Oxford: Oxford University Press, 2009. 257 p.
10. *Макиавелли Н.* История Флоренции / пер. с итал. Н. Я. Рыковой; общ. ред., послесл. и коммент. В. И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1973. 447 с.
11. *Hornqvist M.* Machiavelli and Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 302 p.
12. *Montanelli I.* Dante e il suo secolo. Milano: Rizzoli Editore, 1983. 535 p.
13. *Hullium M.* Citizen Machiavelli. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. 320 p.
14. Ricordi Storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460, dolla continuazione di Alamanno e neri suoi figli, fino al 1506 / ed. di G. Aiazzi. Firenze: Stamperia Piatti, 1840. 566 p.
15. *Guicciardini F.* Storie Fiorentine // Opere di Francesco Guicciardini: in 3 vols. Vol. 1. Torino: UTET, 1974. P. 59–246.
16. *Herlihy D.* Medieval Households. Cambridge; London: Harvard University Press, 1985. 241 p.
17. Storia del Regno di Napoli di Angelo di Costanzo / cura di G. B. Tafuri. Napoli: Borel E Bompard, 1839. 398 p.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ОБЩЕСТВА

*Материалы XLIII всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(7–9 ноября 2023 г.)*

Под редакцией

А.Ю. Прокопьева

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Корректурa — Ю.Б. Феофанова
Верстка —

Подписано к публикации 18.03.2024. Заказ № 16844
Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 44,75.

Издательство Скифия-принт.
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10